

ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(СПбГУ)

Выпускная квалификационная работа аспиранта на тему
**ОСОБЕННОСТЬ ВЫРАЖЕНИЯ ФАБУЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В
РУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ**

Образовательная программа «Русский язык»

Автор:
Сунь Шуян
Ф.И.О. аспиранта

Научный руководитель
д. филол. наук, доцент
Селиверстова Елена Ивановна

Рецензент:
к.ф.н., ст. научный сотрудник
Волков Сергей Святославович

Санкт-Петербург
2018

Введение

Наше научное исследование посвящено изучению особенностей выражения фабульных отношений в русских пословичных текстах. В современной лингвистике понятие «текст» имеет весьма широкий диапазон трактовки. Как пишет Ж.Н. Маслова, «многообразие определений связано с тем, что текст одновременно фигурирует в виде единицы мышления, языка, психофизиологии, речи и общения» [Маслова 2010: 174]. «Текст есть мир» – это самое широкое представление о тексте, идущее от Х.Л. Борхеса. Мир может рассматриваться «как единый текстовой континуум, объединяющий множество текстов, которые коммуницируют друг с другом» [Там же].

Изучение пословицы с стороны текста имеет актуальное значение. Распространение понятия «текст» на массив весьма специфических языковых единиц – паремий имеет под собой, по свидетельству лингвистов, серьёзные основания. С одной стороны, паремия – в частности пословица и поговорка, – представляя собой «явление языка, устойчивые сочетания, во многом сходные с фразеологическими оборотами», обладает текстовой формой и является по своему существу «мини-текстом» [см. подробнее: В.Н. Телия 1996]. Этим определяется **объект** исследования – русские пословицы. **Предмет** составляет особенности выражения фабульных отношений в пословице как особом виде текста.

Материалом послужили отобранные для нашей работы 300 пословичных единиц из словарей русских пословиц и поговорок, в том числе - словарей В.И. Даля, В.П. Жукова и др.

Цель данной работы состоит в выявлении в русских пословицах особенностей и средств выражения фабульных отношений, реализуемых в первую очередь за счёт причинно-следственных связей и временных последовательностей.

В соответствии с целью работы были поставлены следующие **задачи**:

1. освоение результатов теоретической разработки проблем, связанных со структурными и содержательно-смысловыми особенностями пословиц, фабульных отношений, фазовости, глагольной семантики и таксиса;
2. выборка из словарей пословичных единиц, в которых отражены разновидности фабульных отношений;
3. определение специфики пословицы как текста особого типа;
4. описание способов и средств выражения причинно-следственных и временных отношений последовательности в русских пословицах.

Выдвигаемая **гипотеза** исследования заключается в следующем: русская паремия как особый свёрнутый тип текста имеет собственные языковые особенности, содержательные формальные. Паремия, выражающая последовательность событий, – особый семантический тип паремического текста. Одной из наиболее распространённых разновидностей такого текста является фабульное высказывание, паремия-нарратив, в основе содержания которого заключена причинно-следственная и временная последовательность событий: развёрнутая (*Лёг – свернулся, встал – встряхнулся*) или частичная (*Цыплят по осени считают; Человек родится, а пальцы у него уже к себе гнутся*), эксплицитная (*За двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь; Торговали – веселились, подсчитали – прослезились*) или имплицитная (*Дальние проводы – лишние слёзы; На миру и смерть красна*). Выражение фабульных отношений в русских пословицах сопровождается определённым набором языковых средств выражения: морфологических, синтаксических, лексических, которые предстоит систематизировать.

Теоретическая значимость работы состоит в возможности использования её результатов в развитии научного направления, ориентированного на изучения особенностей пословицы как текста, как особого жанра фольклора; в разработке вопроса о способах эксплицитного и имплицитного выражения причинно-следственных и временных отношений в языке, в активно развивающейся сегодня проблемы вербализации категории событийности.

Практическая значимость работы состоит в том, что ее результаты могут быть применены при чтении курсов фольклора, морфологии, теории текста, фразеологии, в практике преподавания русского языка как иностранного.

Апробация работы. На этом основании в своих научных публикаций мы исследуем: 1) основные способы и средства выражения причинно-следственных связей в русских пословицах; 2) основные способы и средства передачи временной последовательности в русских пословицах. Результаты исследования отражены в научных публикациях (приведены в конце) и обсуждены в научных аспирантских семинарах, заседаниях кафедры и научных конференциях.

Общее направление и теоритическое обоснование представленной работы

Когда речь идёт об особенностях пословичных единиц, обычно упоминают, что это один из фольклорных жанров, объединяющий выражения, «имеющие структуру законченного предложения и дидактический характер, способные одновременно иметь буквальный и переносный план или только переносный план» [Жуков 1991: 11]. Этот разряд единиц вызывает большой интерес учёных и является «предметом изучения целого ряда лингвистических дисциплин – фразеологии, лингво-фольклористики, этимологии, синтаксиса и т.д.» [Семененко 2005: 201].

Паремия не только имеет текстовую форму, но обладает к тому же рядом художественных особенностей. По словам Г.Л. Пермякова, «это художественные миниатюры, в яркой, чеканной форме обобщающие факты самой действительности» [Пермяков 1988: 13]. С другой стороны, после расшифровки чеканной текстовой формы паремии она предстаёт как «логическая единица, выражающая то или иное суждение» [Там же], а массив паремий представляет собой «совокупность мыслеформ, являющихся общим достоянием всего языкового общества» [Сидорков 2003: 59], и отражает

разные типы кода – код культуры, код народного мировоззрения, код когнитивного процесса, в который вовлечён человек, и т.д.

Как всякий тип текста, паремия также «обладает планом выражения и планом содержания» [Алефиренко, Семененко 2009: 240]. С точки зрения текстовых уровней, т.е. со стороны планов выражения и содержания, общим признаком паремиологического текста, в частности пословичного, является обобщённость. Как пишет Л.Б. Кацюба, «обобщение, господствующее в паремии, имеет разную природу: нужно различать обобщённость грамматическую и обобщённость содержательную, философскую, которая гораздо шире и глубже. Содержательная обобщённость охватывает все паремии, несмотря на наличие в них субъекта, лица и грамматическую отнесенность личного значения глагольных форм» [Кацюба 2012: 109]. Со стороны синтаксической формы к паремиологическим текстам относятся разные синтаксические конструкции – со структурой определённо-личного, неопределённо-личного, обобщённо-личного, безличного предложения. В паремиях, и в частности в пословицах как особом типе текста, эта особенность состоит в том, что «каждое слово в нём приобретает роль слова-текста», поскольку при сравнительно малом материальном объёме пословиц увеличивается семантическая нагрузка каждого компонента: «включается в процесс восприятия история слова, исходное и приращённое знание» в каждом из компонентов ПЕ [Рвачева 2010: 264]. Вследствие этого особенной является и передача плана содержания паремии.

Исследователи паремийного текста в первую очередь обращаются к содержательной стороне пословицы, к особенностям её восприятия и трактовки как особого типа текста. Нас интересует в первую очередь специфика и возможности интерпретации пословицы.

Интерпретация текста «означает переход в восприятии текста на более глубинный уровень понимания, связанный с процедурами логического вывода и получением выводных знаний, соотносением языковых знаний с неязыковыми» [Маслова 2010: 180]. Необходимость характеристики текста в

функциональном, смысловом плане определяется, по мнению Н.С. Валгиной, особенностями текста как единицы информативной и коммуникативной [Валгина 2003: 50]. Исследователь, отмечая наличие специальных терминов для обозначения речевых способов передачи информации – «типы изложения», «способы изложения» и проч., – подчёркивает важность и наибольшую точность по объёму передаваемого значения термина «функционально-смысловые типы речи» (ФСТР)» [Там же: 7].

Функционально-смысловой тип речи определяется характером передаваемой содержательной информации. В зависимости от того, с каким уровнем познания связана содержательная информация, она может быть фактологической, соответствующей эмпирическому уровню познания; концептуальной и гипотетической, соответствующей теоретическому уровню познания; методической, заключающей в себе описание способов и приёмов усвоения информации; эстетической, связанной с категориями оценочного, эмоционального, нравственно-этического плана; инструктивной, содержащей ориентацию на определённые действия» [Валгина 2003: 51].

Итак, пословица нами рассматривается как текст, вербальное воплощение которого определяется его логической и смысловой структурой. Прежде чем обратиться к глубинной смыслово-логической структуре ПЕ, попытаемся интерпретировать данный тип текста с точки зрения ФСТР, поскольку пословица как один из результатов речевой деятельности непременно должна относиться к одному из функционально-смысловых типов речи.

Среди традиционных типов ФСТР выделяются повествование, описание и рассуждение. *Описание* обычно определяется в стилистике как тип речи, «представляющий объект на основе перечисления его свойств, признаков, качеств. <...> Независимо от того, внешние или внутренние признаки являются содержанием описания, они даются статически, т.е. отражают состояние покоя, равновесия, стабильного состояния, соположение описываемого, пейзажные, портретные, предметные, интерьерные описания»

[Купина, Матвеева 2013: 108]. Отдельно выделяется и рассматривается художественное описание, которое нацелено «на создание образа явления и раскрытие его психологического потенциала» [Там же].

Повествование – это такой тип ФСТР, при помощи которого рассказывается о событиях в их временной последовательности. Понятие «повествование» допускает двухстороннее понимание. Как пишет Т.И. Попова, повествованием может быть «минимальный компонент речи, часто расширенный, к которому применимо понимание первичного речевого жанра (*Он вошёл в аудиторию и сел на свободный стул*)», но по такому принципу может быть построена цепочка из ряда последовательных событий, изображение которых образует целый текст. «Современная филология использует в этом случае термин *нарратив*, обращая внимание на присутствие в рассказе о событиях говорящего лица» [Попова 2017: 87]. По определению В.А. Плунгяна, нарратив – «это история, рассказанная по порядку: если с точки зрения говорящего А имело место раньше, чем Б, то про А говорящий сообщает раньше, чем про Б. События А и Б как раз и составляют основную линию повествования или нарративную цепочку. [Плунгян 2008: 16]. Вследствие этого в качестве главных признаков повествования называют «динамичность, активность глагольной формы, её однозначность и полновесность. Поэтому часто встречаются в таких отрывках текста глаголы мгновенного действия, глаголы совершенного вида» [Валгина 2003: 16]. При этом, однако, отмечается в качестве особой разновидности повествования такие тексты, в которых «динамика действий передаётся не глагольными формами (они отсутствуют вовсе), а номинативными. Такие повествования особенно динамичны и экспрессивны» [Валгина 2003: 57]. Ср. приведённые примеры в работе Н.С. Валгина [Там же]: *Мимо дома – рысью в садок. Залегли под плетнём. Глухой говор. Звяк стремян. Скрип седел. Ближе (М. Шолохов. Тихий Дон)*. В русских пословицах также встречаются аналогичные построения: *Ранние смехи, поздние слёзы; Ныне полковник, завтра покойник*.

Главное различие между описанием и повествованием заключается в том, что «описание фиксирует некоторые фрагменты действительности в их статике и синхронной соотнесённости, повествование же излагает события в их развитии во времени и отличается диахронной соотнесённостью» [Хамаганова 2010: 143]. Однако, как пишет В. Шмид, «границы между нарративными и описательными произведениями, разумеется, не всегда чётки. Каждый нарратив по необходимости содержит описательные элементы, придающие произведению определённую статичность. Уже изображение ситуаций, исходной и конечной, действующих лиц и самих действий не обходится без введения описательного материала» [Шмид 2003: 26]. В данной работе, когда мы говорим о таком функционально-смысловом типе речи, как повествование, в котором в основном отражается смена событий, часто необходимо учитывать и описательные компоненты, такие как «фазисные изменения», «состояние» и «изменение степени качества» и др. [Рогова 2017: 12].

Наряду с констатирующими текстами, выделяются тексты аргументирующие – с функциональным типом речи рассуждением. В рассуждении, обладающем аргументирующей направленностью, часто используются вводно-модальные слова; акцентируются условно-временные, уступительные и причинно-следственные связи, отношения противопоставления и сопоставления. Характерной является модель оформления фрагмента текста по типу «тезис – доказательство (аргументация) – вывод (заключение, обобщение)» [Валкина 2003: 58].

Соотношение между пословицей и ФСТР уточняется прежде всего с помощью содержательной сущности пословичного текста. В современной лингвистике функция пословиц – выразить суждение, законченное умозаключение [Жуков 1991: 10]. С точки зрения А.А. Потебни, пословица рассматривается как сжатое поэтическое произведение, как сокращение басни. В пословичных текстах содержатся «изображение конкретного события», «обобщение случая» или «сокращение не самого образа басни, а

вывода, обобщения, житейского правила, добытого при помощи этого образа» [Потебня 1990: 93]. По этой причине пословица по функционально-смысловому типу речи ближе всего к повествованию и рассуждению, а не к описанию. Следовательно, она имеет фабульную природу, предполагающую смену событий, временные последовательности и причинно-следственные связи.

Фабула трактуется как последовательность изображения событий, фактов, поступков героев в художественном повествовании [Карпенко 2015: 70]. События нарратива можно увидеть с точки зрения причинно-следственных и пространственно-временных отношений, т.е. отношений смежности [Якобсон 1990: 114]. Это важный аспект фабулы нарратива.

В литературоведении сюжет обычно противопоставляют фабуле, «понимая под фабулой ход событий, а под сюжетом — характер их изложения (впрочем, понимание бывает и обратным). В отношении фольклорных жанров это традиционное положение может быть скорректировано. По мнению Б.Н. Путилова, фольклористика не нуждается в использовании двух понятий: «сюжет в его объёмном значении покрывает план содержания (внешнего и внутреннего, поверхностного и глубинного) и план выражения (система построения, мотивировки, структурные особенности)» [Путилов 2003: 133]. Соглашаясь в Б.Н. Путиловым, мы также в нашей работе используем термин «фабула» и соответствующий термин «фабульные отношения» как обозначение выраженных в тексте причинно-следственных отношений и отношений временной последовательности, а «сюжет» пословичных единиц – это развёрнутое представление событийной ситуации.

Способы и средства выражения в пословице причинно-следственных связей

Итак, наш пословичный материал показывает широко представленные в составе пословиц и весьма разнообразные синтаксические конструкции, выражающие причинно-следственные связи.

I. Пословицы со структурой простого предложения включают несколько способов выражения причинно-следственных отношений.

А. Широко представлена в поговорках конструкция с **предложно-падежной формой существительного с предлогом**, указывающей на значимое отсутствие чего-либо, что становится причиной некоторых событий:

С предлогом без

Без соли, без хлеба худая беседа; Без бычка не поешь молочка; Без соли стол кривой; Без труда не вынешь и рыбку из пруда; Без разума сила – все равно, что железо гнило.

С предлогом от

От жару и камень киснет (причиной является жар); От недосмотра хозяйство гинет; От денег все зло на земле;

С предлогом к

К обедне ходят по звону, а к обеду по зову (потому что звонят; потому что зовут);

С предлогом с

С поклону голова не отвалится; С уменья руки не болят;

С предлогом за

За стыд голова гинет; За компанию и еврей повесился; За деревьями леса не видели (увидел, увидит);

Б. Достаточно типичны конструкции, в которых причина выражена **прилагательным** в поговорочных единицах, выражающих причинную семантику, например,

Пустая мельница без толку мелет; Битый пёс догадлив стал; Голодный и патриарх хлеба украдёт; Дарёному коню в зубы не смотрят; Старую собаку новым фокусам не научишь; Бережёного бог бережёт; За одного битого двух небитых дают, да и то не берут; С малыи детками горе, а с большими – вдвое.

Нельзя не отметить при этом некоторой семантической избыточности (необязательности) существительного в ПЕ *Сытое брюхо к учению глухо, Голодный француз и вороне рад, Голодному Федоту и репа в охоту*, где определение является семантически более весомым [см. об этом подробнее в: Селиверстова 2010]

Итак, в предыдущих примерах – вследствие неравномерного распределения семантики – определение важнее определяемого и участвует в выражении причинно-следственных отношений в пословичных единицах. В примерах данной подгруппы мы вправе говорить о собственно причинно-следственных отношениях.

Аналогичные функции выражения причинных отношений выполняет притяжательное местоимение **свой**, которое во многих ПЕ оправдывает и объясняет наблюдаемый ход событий, является причиной: *За свой грош везде хорош; В своём гнезде и ворона коршуну глаз выклюет*; а также числительные: *Два медведя в одной берлоге не живут; Одной рукой в ладоши не хлопнешь; Одна пчела много мёду не натаскает; Семеро не одного не ждут*;

II. Единицы со структурой бессоюзного предложения, весьма типичные для паремий, обнаруживают несколько разновидностей:

А. Конструкция, в которой причина и следствие выражены формой инфинитива. Ср.: «причина (глагол в инфинитиве) → следствие (глагол инфинитиве)»:

Волков бояться – в лес не ходить; Правду говорить – друга не нажать; Мелко плавать – спина видно; При дороге жить – всех не угостить; Грязью играть – руки марать.

Б. В конструкции «Обстоятельство/ условие – результат» – с глагольным сказуемым – более ярко выражено значение условия и через него может (или могла бы) реализоваться семантика причинности:

Мельница мелет – мука будет; язык мелет – беда будет; За двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь; Мир дунет – ветер будет,

мир плюнет – море будет; Берись дружно – не будет грузно. С собакой ляжешь – с блохами встанешь.

III. Сложносочинённые предложения

А. В сложносочинённом предложении причинно-следственные отношения наиболее очевидны в паремиях, где «причина/условие» и «следственный результат / или состояние» выражены в разных частях предложения:

Отец рыбак, и дети в воду смотрят; Рука руку моет, и обе белы живут; Гром не грянет, [и] мужик не перекрестится (не дрогнет).

В данной подгруппе паремий, в отличие от ПЕ с бессоюзием, связь между двумя частями не так однозначна, что позволяет предложить разные варианты трактовки ПЕ:

Рука руку моет, и обе белы живут (причина – следствие) и Рука руку моет, хотя обе белы быть (следствие – причина).

Б. Типична для ПЕ четырёхчастная конструкция «причина/условие – следствие + причина/условие – следствие», две большие части которого соединяются противительным союзом, что позволяет осуществить сопоставление (противопоставление) двух разных потенциальных действий, качеств, моделей поведения, ситуаций:

Тонул – топор сулил, а как вытащил – и топорница жаль; Годится – молиться, а не годится – горшки покрывать; В полплеча работа тяжела, а оба подставить – легче справиться.

Сочинительной связью, как видим, соединены составляющие целое две части предложения, в каждой из которых без использования союзов выражено отношение причина-следствие.

IV. Сложноподчинённые предложения с частями, связанными между собой причинно-следственными отношениями, включают несколько подтипов – с разными союзами и союзными словами.

А. Предложение с причинно-обстоятельственной семантикой придаточного, с союзным словом *где* и указательным местоимением *там*,

имеет стабильную структуру: придаточное с семантикой причины и места располагается в препозиции (*Где дрова рубят, там и щепки летят; Где мёд, там и мухи; Где пьют, там льют; Где тонко, там и рвётся; Где хозяин ходит, там земля родит.*

Б. В ПЕ, организованных по модели «Кто...тот», местоимение *кто* выполняет в придаточном предложении (в комбинации с соотносительным словом *тот* в главном предложении) функцию подлежащего и указывает на неопределённость субъекта ('любой'). Придаточное причины располагается в препозиции: *Кто ищет, тот найдёт; Кто в понедельник бездельник, тот и во вторник не работник; Кто в небо глядит, тот без хлеба сидит.*;

В. Аналогичен предыдущему тип конструкции со скрепой «Что...то», соединяемой относительным местоимением *что* в придаточном предложении (в сочетании с соотносительным словом *то* в главном предложении), выполняющим функцию подлежащего (*Что с возу упало, то пропало*) или дополнения (*Что посеешь, то и пожнёшь*): *Что в сердце варится, то в лице не утаится; Что на уме думается, то во сне видится*

Г. В ПЕ по модели «Чем... тем» с помощью сложного союза *чем...тем* присоединяется сравнительное придаточное предложение: *Чем дальше в лес, тем больше дров; Чем вино старше, тем оно крепче; Чем чуднее, тем моднее.*

В приведённых выше конструкциях пары слов *где...там; кто...тот; что...то* выполняют не только функции выразителей отношений между частями сложных предложений и их содержанием, но имеют и «иное лексическое значение и по функции в предложении подобны знаменательным словам» [Василенко 1965: 49]. На наш взгляд, с одной стороны, широкое использование местоимений *что...то, кто...тот* и др. в русских пословицах вызвано обобщённым характером выражения: в приведённых примерах они выполняют функции подлежащего, дополнения или обстоятельства и выражают неопределённость субъекта (объекта, обстоятельства); с другой стороны, в структуре сложноподчинённых предложениях с их помощью поддерживается на смысловом уровне связь двух частей предложения.

Способы и средства выражения в пословице временных отношений последовательности

Обратимся к способам выражения **временных отношений** в русских пословицах со структурой сложного и простого предложения. В русском языке есть разные средства выражения темпоральных значений (временных значений) и временных отношений, например, видо-временные формы глаголов, лексические средства (фазовые глаголы, наречия *вечером*, *сначала* и др.) и проч. Несомненно, самым важным средством выражения временных отношений, включающим одновременные и разновременные отношений, является «соотношение видо-временных форм глаголов» [Бондарко 2011: 24], особенно в сложных предложениях. В данной работе нас интересуют в первую очередь временные отношения последовательности, которые относятся к фабульным отношениям, потому мы не будем учитывать временные отношения одновременности, а ограничимся только временными отношениями последовательности.

В зависимости от используемых различных сочетаний глагольных форм мы выделяем разные способы выражения этих отношений.

I) Отражение временных отношений в пословичных единицах со структурой сложного предложения

а) сочетание глаголов СВ прошедшего времени в русских пословицах (30%)

В художественных произведениях сочетание глаголов СВ прошедшего времени характерно для текста повествовательного типа. По мнению И.Б. Голуб, «главная особенность всех повествовательных текстов – глагольный тип речи, причём в роли сказуемого выступают, как правило, глаголы прошедшего времени совершенного вида, потому что только они способны изобразить действия, сменяющие друг друга» [Голуб 2010: 59]. В нашем материале также имеется немало примеров с сочетанием глаголов СВ прошедшего времени, с помощью которого выражается «смена» непредметных объектов в рамках события на оси времени. Например: *Лёг –*

свернулся, встал – встряхнулся; Пожалел волк кобылу, отставил хвост да гриву; Тонул – топор сулил, а как вытащили – топорница жаль стало; От пули выжил, а от укуса комара погиб; Раз украл, а на век вором стал; Каков пошёл, таков и пришёл; Легко добыто, легко и прожито; Что с возу упало, то пропало; Пришло махом, ушло прахом.

Этот тип выражения фабульных отношений через видовую семантику глаголов СВ прошедшего времени подчёркивает временную последовательность действий в рамках события. Следует отметить, что во многих таких паремиях ощутима следственно-результативная семантика, т.е. показ того, что именно вытекает из совершаемого действия (*Один раз украл, а на век вором стал*) и что позволяет судить о типичности ситуации (*Что с возу упало, то пропало; Пришло махом, ушло прахом*), о правильности/неправильности той или иной модели представленного поведения или развития событий (*пожалел – оставил*) и о соответствующей их оценке.

б) сочетание глаголов СВ буд. вр. 3-его лица и 2-лица ед. числа (37%)

По частотности использования в анализируемых нами паремиях сочетание глаголов СВ прошедшего времени уступает сочетанию глаголов СВ будущего времени, которое является самой актуальной формой выражения смены непредметных объектов в рамках события.

Глаголы СВ буд. вр. 3-его лица ед. числа: *В апреле земля перепреет, значит в мае посеет; Все перемелется, мука будет; Женится – переменится; И комар лошадь свалит, коли волк пособит; Кто посеет ветер, пожнёт бурю; Мать высоко руку подымает, да и не больно опустит; Лиса придёт – курица раскудахчется; Кто как постелется, так и выпится* и т.д.

Глаголы СВ буд. вр. 2-ого лица ед. числа: *Встанешь раньше, шагнёшь дальше; За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь; Окоротишь – не воротишь; Поработаешь по поту, так и поешь в охоту; Что посеешь, то*

и пожнёшь; В полплеча работа тяжела, а оба поставишь – легче справишь; Что сошьёшь, то и поносишь; Час упустишь – годом не наверстаешь и т.д.

Формы глаголов СВ будущего времени 2-ого лица выступают в пословицах, как и в русском языке в целом, в качестве формального показателя обобщённого значения. Аналогичную обобщающую функцию выполняют и глаголы в форме 3-его лица ед. числа. Например, *В апреле земля перепреет, в мае посеет; Все перемелется, мука будет.*

В отличие от ПЕ с сочетаниями глаголов СВ прошедшего времени при использовании форм будущего времени временные отношения между действиями или непредметными объектами не явно выражены грамматической формой глаголов. Они уже воспринимаются как компонент значения обусловленности: в случае сочетания в ПЕ глаголов СВ будущего времени для определения фабульных отношений сначала выявляется «смена» непредметных объектов на оси логики, т.е. причинно-следственные или условно-следственные отношения и т.д. (ср.: *Не поймает ни одного зайца, если погонишься за двумя*), затем уточняется наличие или отсутствие отношений последовательности на оси времени.

2. Помимо сочетаний глаголов СВ, отметим небольшую группу примеров, образованных формами глаголов несовершенного вида (8%): *Где дрова рубят, там и щепки летят; Летом 2 дня льёт – час сохнет, осенью – час льёт, две недели сохнет; Если птица теряет перо, то вместо него вырастает новое; Один день ловит рыбу, три дня сушит сеть; Кто в море бывал, тот лужи не боится.*

Сочетание глаголов НСВ, особенно если оба глагола в форме настоящего времени, обычно выражает отношения одновременности между действиями. В таком случае фабульные отношения также основаны на причинно-следственных связях между непредметными объектами, «смена» на оси времени не явно выражена через грамматические формы глаголов и является дополнительной. Сходные случаи также встречаются в таких ПЕ, где формы глаголов не выражают грамматического временного значения –

например, с формами инфинитива (11%): *В камень стрелять – только стрелы терять*; *Говорить правду – терять дружбу*; *Час терпеть – а век жить*; с формами императива: *Учи других, а сам поймёшь*; *Ищи – не сказывай, нашёл – не показывай*.

II. Отражение временных последовательных отношений в пословичных единицах со структурой простого предложения

В зависимости от сжатости и ёмкости пословиц со структурой простого предложения, более сложно интерпретировать. Мы выделяем следующие типы: Первый способ представления события отмечен нам в ПЕ, где признак последовательности в развёртывании события представлен имплицитно: паремия рисует лишь одну ситуацию – начальную или конечную, а вторая отсутствует, но может быть выведена логически – при наличии некоторого опыта декодирования подобных текстов. ПЕ *Цыплят по осени считают* – «О чём-либо судят лишь по конечным итогам. Говорится тому, кто преждевременно судит о результатах чего-либо» (Жук., 347) – была бы совершенно непонятной при отсутствии фоновой информации, содержащей сведения о процессе выращивания цыплят и возможных при этом потерях. В ПЕ образно представлена лишь фаза финального (*по осени*) подсчёта уцелевших цыплят, символизирующих степень успешности некоего задуманного предприятия, а фазы появления цыплят на свет весной и частичное их «исчезновение» остаются скрытыми. Таким образом, из всех ситуаций в рамках события имеется лишь последнее из них, что позволяет образно представить суждение о важности отсроченных выводов об успехе дела. Элементы толкования почти идеально апплицируются – по В.П. Жукову – на компоненты ПЕ: *цыплят* ('итоги') *считают* ('подводят') *по осени* ('по окончании дела'). Несовершенный вид глагола, акцентирующий типичность показанной ситуации, реализует и семантику завершённости – 'посчитаем', поддерживаемую лексическим показателем *по осени*. Ср. также ПЕ, непонятные без подробного указания условий их использования – «говорится, когда...», поскольку ситуация сменяемая новым событием

(праздник, солнышко – в их переносном значении) остается имплицитной: И к нам солнышко взойдёт на двор; Будет и на нашей улице праздник и др.

Представление события в ПЕ *Капля и камень долбит (точит)* видится весьма особенным, поскольку основным выразителем динамики выступает видовое значение глагола. Осмысление ПЕ вытекает из образного представления ситуации: методично падающие одна за другой одиночные капли, способные пробить (продолбить) твёрдую породу. Благодаря семантике предельности, присущей глаголу, допустимо мысленно увидеть камень продолблённым (финальная ситуация), о чем свидетельствует и толкование ПЕ, хотя на лексическом уровне этот результат не вербализован. В данном случае паремия имплицитно выражает последовательность развёртывания события в его движении к конечной фазе. В ПЕ отсутствует конкретная временная направленность (привязка); здесь активизируются «мыслительные процессы абстрагирования времени» [Бондарко 2011: 210].

Чаще, однако, паремия содержит вербально выраженный намёк на наличие некой ситуации, логически сменяемой другой (второй тип). В ПЕ *Отольются волку овечьи слёзки* вербально представлена полностью лишь последняя фаза – выраженное глаголом отольются указание на возмездие, неминуемо ожидающее волка, ранее причинившего «вред» овце/ овцам. Причины наказания выражены частично (*овечьи слёзки*), а сама же сцена «овечьего плача» – первая из ситуаций – остаётся «за кадром», хотя она, безусловно, очевидна для тех, кто понимает суть отношений, вербализуемых элементами паремийного бинорма «волк-овца» (ср.: «корова – медведь», «мышь – кошка» и др.): ‘хищник – жертва’, ‘обижаемый – наказуемый’ (о паремийных бинормах см. подробнее [Селиверстова 2017]).

Близка по характеру представления события – отсутствию конкретики в первой из двух ситуаций – безобразная ПЕ *По делам ворю и мука*. Мука – состояние, вызываемое наказанием, – неминуемо следует за совершенные злодеяния (дела). Характер поступков, которые числятся за провинившимся, лишь прогнозируется – в связи с семантическим содержанием слова вор:

здесь включается как экстралингвистическое представление о людях этой «профессии», так и реализуемая в паремии идея порочности любой деятельности, подпадающей под воровство (ср.: *Злое ремесло на рель занесло – ‘повесили’*).

Если в предшествующих ПЕ мысль о возмездии увязывается с совершением определённого поступка, то в паремии *Кот скребёт на свой хребет* идея проступка, влекущего неприятности, предельно обобщена – выражается глаголом *скребёт*, а семантический фрагмент наказание вербально представлен фразеологизмом на свой хребет – себе во вред.

По характеру представления последней фазы события сюда можно отнести и ПЕ *Отошла коту масленица*. Событийное пословичное имя *Масленица* позволяет связать предшествующую ситуацию (процесс) вольготной сытной жизни и сменившие её ощутимые ограничения (глагол *отошла*), подробности которых в ПЕ отсутствуют. Именно отсутствие детального представления обеих ситуаций делает ПЕ обобщённой, применимой ко множеству различных жизненных коллизий.

Таким образом, в ПЕ данной подгруппы лишь частично представлено выражение последовательности в развёртывании события.

Третий тип составляют ПЕ, в которых причастия и прилагательные называют нынешнее свойство, качество субъекта (боязливый, опасливый), являющееся результатом предшествующих событий, скрытых от говорящих, но прогнозируемых: *Пуганая ворона и куста боится; Битому коту лишь лозу покажи*. Более позднее на оси времени состояние/ действие является следствием по отношению к первому.

В ПЕ *Утопающий за соломинку хватается* – «В безвыходном положении как к последней надежде на спасение прибегают даже к средству, которое вряд ли может помочь» (Жук., 337), – факт падения в воду вербально не представлен: мы видим тонущего (человека в безвыходном положении – как результат первой ситуации, нам не известной), который ищет возможность спасения (выхода) и готов прибегнуть к любому средству –

соломинке как образу последней, пусть призрачной, надежды. В данной ПЕ событийная ситуация представлена более подробно.

К **четвёртому типу** относятся ПЕ, в которых структура предложения усложнена за счёт однородных членов: *Прошёл трёхдневный путь за день и слёг на десять дней; Поп пьяной книги продал да карты купил; Вздулся пузырь, да и лопнул.* Однородные сказуемые, выраженные глаголами, эксплицитно представляют последовательно осуществляемые действия, очерчивая две ситуации, в которых оказывается один и тот же субъект: *Помнит свекровь свою молодость и снохе не верит.* Нельзя, однако, не заметить, что характер причинно-следственных связей между ними будет разным.

К эксплицитно представленным относятся события и в ПЕ, объединённых в пятый тип. В них первая ситуация (начальная фаза события) является условием, выполнение которого ведёт ко второй ситуации – результату: *Без труда не вынешь рыбку из пруда; От жару и камень треснет, От малой искры да большой пожар.* Такое условия может быть выражено и событийным именем: *От работы кони дохнут.* Назидательность ПЕ во многом основана именно на способности показать результаты «правильного» или «неверного» поведения.

Таким образом, в данной работе пословичные единицы рассматриваются нами **как особый тип** текста. Учитывая фольклорные жанровые характеристики пословичных единиц и особенности функционально-смысловых типов речи, пословица относятся к типам повествования и рассуждения. Изучение фабульных отношений особенно актуально для характеристики данных типов текста в силу важности в них причинно-следственных связей и отношений временной последовательности и представляют специфические.

В русских пословицах отсутствуют специальные языковые средства показателя причинно-следственных отношений (типа *так как, поэтому, и др.*). Причинные значения часто пересекаются с другими значениями

обусловленности - такими, как условные, целевые. Пословица как логическое единство иллюстрируют общность разных логических отношений, среди которых причинные отношения представляются самыми весомыми.

В нашей работе классифицируются разнообразные средства выражения причинно-следственных отношений в пословичных единицах. Помимо союзных средств (и, на, что...то, кто...тот и др.), предлогов (от-, по-, за-) и синтаксических средств (порядок слов, тире), семантика причинности раскрывается лексическими значениями слов, среди которых мы особо подчёркиваем выражение причинности в семантике прилагательных.

В русских пословицах причина (собственно причина или причина, сочетающаяся с условием) и соответствующее следствие (результат) могут быть явлены эксплицитно. С другой стороны, более типичным для паремий является имплицитное выражение глубоких ПСС, отчасти опознаваемых по типичным синтаксическим структурам (в частности, бессоюзного предложения), но также зависящих от носителя языка, участвующего в семантической дешифровке ПЕ и выявляющего будь то причинно-следственные связи либо временную, условную и проч. семантику

По поводу выражения временно-следственных отношений в русских пословичных единицах со структурой сложного предложения можно сказать, что временные отношения выражены в основном с помощью разных типов сочетаний глагольных форм, как в других видах художественном тексте. Но в отличие от основных способов выражения временной смены в художественных текстах, которая представлена сочетанием глаголов СВ прош. времени, для русских пословиц сочетания СВ буд. времени более типично и актуально. Можно сказать, что в нашем материале сочетание глаголов СВ (форма буд. и прош. времени) более явно выражает временные отношения между непредметными объектами, констатирующими предшествование одного непредметного объекта другому. В русских пословичных единицах отношения временной последовательности - часто сочетаются со значением обусловленности (причинно-следственным,

условно-следственным и др.). В большинстве случаев мы интерпретируем эти отношения на основе семантики пословиц или их сюжетно-событийного фона. Отношения временной последовательности часто являются при этом имплицитными. Данная особенность более явно выражена в пословичных единицах со структурой простого предложения – таких, как пословичные единицы типа *Цыплят по осени считают*.

Список опубликованных статей (ВАК)

1. Сунь Шуян Особенности выражения причинно-следственных связей в русских пословицах // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика Том 8. №3 2017. с. 672-682;
2. Сунь Шуян Глагольная семантика как средство выражения фабульных отношений в русских пословицах // Известия ВГПУ. Филологические науки №10 2017. С.79-84;
3. Селиверстова Е.И., Сунь Шуян Особенности представления события в русских пословицах со структурой простого предложения // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология № 2 2018.;

Список словарей

1. Даль В.И. Пословицы русского народа: сб.: в 2 т. / И.В. Даль – М., 1996. – 672 с.
2. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок: Около 1200 пословиц и поговорок. – 4-е изд., испр. и доп. / В.П. Жуков – М.: Рус. яз., 1991. – 534 с.
3. Зимин В.И. Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений: более 22000 пословиц, поговорок, молвушек, присловий, приговорок, присказок, загадок, примет, дразнилок, считалок. / В.И. Зимин – М.: АСТ-ПРЕСС, 2008. – 736 с.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф., Семенов Н.Н. Фразеология и паремиологии: Учебное пособие для бакалаврского уровня филологического

- образования / Н.Ф. Алефиренко, Н.Н. Семенов. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 344 с.
2. Амагов А.М. Причинно-следственные связи на разных уровнях языка : Автореф. дис.... докт. филол. наук. / А.М. Амагов – М., 2005. – 31 с.
 3. Андреева В.А. Событие и художественный нарратив // Известия Российского государственного университета им. А.И. Герцена 2006 № 21(1) С. 44-57
 4. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н.Д. Арутюнова – М.: Наука. 1988 – 341 с.
 5. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе / М.М. Бахтин // Очерки по исторической поэтике. – М.: Худож. лит., 1975. – С. 121-290.
 6. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.
 7. Бирюкова Е.А. К вопросу о семантико-грамматическом потенциале русских пословиц / Е.А. Бирюкова // Вестник Новгородского государственного университета. № 77. 2014. С. 137-139.
 8. Бондарко А.В. Теория функциональной грамматики: введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис/ А.В. Бондарко Изд. 6-е. – М., Книжный дом «ЛИБРОСКОМ», 2011. – 352 с.
 9. Бондарко А.В. Общая характеристика семантики и структуры поля таксиса / А.В. Бондарко // Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность. Таксис. Изд. 6-е. – М.,: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – С. 234-253.
 10. Бочков П. Традиции русского фольклора / П. Бочков // Рец. на кн.: Традиции русского фольклора. – М., 1986. – 203 с.
 11. Буданов В. Когнитивная психология и когнитивная физика. О величии и тщетности языка событий // Событие и Смысл (Синергетический опыт и языка) / Под ред. Л.П. Киященко, П.Д. Тищенко. – М., 1999. С. 38-66.
 12. Валгина Н.С. Теория текста. – М. Логос, 2003. – 191 с.
 13. Василенко И.А. К вопросу союзных и бессоюзных предложениях в русском языке. / И.А. Василенко // Проблемы современной филологии: сб. статей к 70-летию акад. В.В. Виноградова. – М., 1965. С. 47-52.
 14. Гаврилова Т.С. Пословица и контекст (собрание пословиц в самозаписи Е.И. Колесниковой) / Т.С. Гаврилова // Русский фольклор. Том XXV отв.

- ред. А.В. Некрыловой Сборник научных трудов. Л.: Наука, 1989. – 224 с.
15. Гак В.Г. Языковые преобразования. – М.: Школа "Языки русской культуры", 1998. – 768 с.
 16. Гловинская М.Я. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М.: 1982. – 185 с.
 17. Голуб И.Б. Литературное редактирование: учеб. пособие. / И.Б. Голуб – М.: Логос, 2010. – 432 с.
 18. Гутова Л.А. Пословица и нарративный контекст / Л.А. Гутова // вестник дагестанского учёного центра . 2008. № 31 С.102-105.
 19. Дадужева Е.А. Общая характеристика каузативных глаголов / Е.А. Дадужева // Вестник СибГУТИ, 2011. №2. С. 76–82.
 20. Дашкова С.Ю. Логико-прагматический анализ аргументации в научном учебном тексте: дис. ...канд. филол. наук. / С.Ю. Дашкова – Кемерово, 2004. – 154 с.
 21. Демьянков В.З. Событие в семантике, прагматике и в координатах интерпретации текста / В.З. Демьянкова // Изв. Академии наук СССР. Сер. литературы и языка. – 1983. – Т 42, №4/6. С. 320-329.
 22. Евстигнеева Г.А. Способы выражения причинно-следственных отношений в научном стиле речи: (На материале учебных текстов): дис. ...канд. филол. наук. / Г.А. Евстигнеева – Киев, 1983. – 191 с.
 23. Ефремова Л.В. Причинно-следственная семантика в предсказательных конструкциях в русском языке / Л.В. Ефремова // Известия ПГПУ имени В.Г. Белинского гуманитарные науки № 27, 2012. С. 256-258.
 24. Жемчужникова А.К. Функционирование и трансформации событийной ситуации //Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». 2016. Т.13, № 1. С. 69-72.
 25. Зимин В.И. Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений: более 22000 пословиц, поговорок, молвушек, присловий, приговорков, присказок, загадок, примет, дразнилок, считалок. / В.И. Зимин – М.: АСТ-ПРЕСС, 2008. – 736 с.
 26. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. / Под общ. ред. Г.А. Золотовой. – М., 2004. – 544 с.

27. Ивин А.А. Логические теории времени/ А.А. Ивин // Вопросы философии. 1969 №3. С. 117-127.
28. Казунина О.В. Фазовая характеристика отдельных и сопряжённых глагольных действий в английском языке / О.В. Казунина: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2002. – 213 с.
29. Кацюба Л.Б. Лицо глагола в русских пословицах: семантико-грамматические и лингвокультурологические аспекты: монография / Л.Б. Кацюба; под ред. С.С. Хромова. // М.: МЭСИ, 2015. – 240 с.
30. Ковалько Н.А. Научные характеристики пространства-времени в фольклорных текстах русского и английского этносов (на примере пословичного фонда) / Н.А. Ковалько // Сборник конференций НИЦ Социосфера вып. №13/2011. С. 300-305.
31. Кондаков И.В. Архитектоника события / И.В. Кондаков // Мир психологии 2000. № 4 С.38-50.
32. Крикманн А.А. Некоторые аспекты семантической неопределённости пословицы / А.А. Крикманн // Паремиологический сборник / Глав. ред. Г.Л. Пермяков. – М., 1978. С. 82-104.
33. Кустова Г.И. Семантические аспекты лексических функций (глаголы со значением 'начаться'/'кончиться') / Логический анализ языка. Семантика начала и конца / Г.И. Кустова.. – М.: Индрик, 2002. С. 69-82.
34. Ламухина О.М. Каузальные отношения в типологии диалогов: На материале английского языка: дис. ... канд. филол. наук. / О.М. Ламухина – Армавир, 2006. – 182 с.
35. Лебедева Н.Б. Ситуатема как динамическая, полиситуативная и полисобытийная структура глагольной семантики // Вестник КемГУ 2012 №4(52) Т.1 С.. 224-227
36. Левин Ю.И. Провербиальное пространство / Ю.И. Левин // Паремиологические исследования под ред. Пермякова Г.Л. - М. "Наука" 1984. С. 110-120
37. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. / А.А. Леонтьев – М.: Смысл, 1997. – 287 с.
38. Литературная энциклопедия. — В 11 т.; М.: издательство Коммунистической академии, Советская энциклопедия, Художественная литература. Под редакцией В. М. Фриче, А. В.

Луначарского.1929—1939.

https://dic.academic.ru/contents.nsf/enc_literature/

39. Малинович Ю.М., Малинович М.В. Синтаксис как отражение динамики мышления и языкового сознания в онтогенезе / Ю.М. Малинович, М.В. Малинович // Вестник ИГЛУ 2012. С. 156-163.
40. Манаенко Г.Н. Деформации «образ Кавказа» в современной дискурсе российских СМИ и общественном сознании или о пользе политической лингвистике // Политическая лингвистика 4(34) 2010. С.50-53
41. Маслов Ю.С. Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке / Ю.С. Маслов // Очерки по аспектологии. – Л., 1984., С. 303-316.
42. Мокиенко, В.М. Современная паремиология (лингвистические аспекты) / В.М. Мокиенко // Мир русского слова. 2010. № 3. С. 6-20.
43. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Народная мудрость. / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина – М.: «ОЛМА Медиа групп», 2011. – 416 с.
44. Национальный корпус русского языка – <http://www.ruscorpora.ru/>
45. Павлова Марина Николаевна. Функционально-семантическое поле фазовости в русском и чувашском языках : Дис. ... канд. филол. наук – Чебоксары, 2005 – 171 с.
46. Падучева Е.В. Семантические исследование (Семантика и вида в русском языке; Семантика нарратива). М.: Школа «языки русской культуры», 1996. 464 с.
47. Панина, Л.С. Формирование фразеологических единиц на базе русских пословиц / Л.С. Панина // диалектические процессы во фразеологии. – Челябинск, 1993. – С. 129-132.
48. Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии. / Г.Л. Пермяков – М.: Наука, 1988. – 240 с.
49. Петров С.В. Денотативная ситуация как концепт художественного текста (на материале Романа Ю.К. Олеси «Зависть») // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. С. 278 – 281.
50. Петрухина Е.В. Русский глагол: категории вида и времени (в контексте современных лингвистических исследований): учеб. пос. – М.: МАКС Пресс, 2009. – 208 с.

51. Плу́нган В.А. Общая морфология: введение в проблематику: Учебное пособие. Изд. 2-е, исправленное. - М.: Едиториал УРСС, 2003. – 384 с.
52. Потебня А.А. Теоретическая поэтика / А.А. Потебня – М.: Высшая школа, 1990. – 344 с.
53. Пропп В.Я. Фольклор и действительность М.: Наука, 1976. – 327 с.
54. Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура In memoiam СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. – 464 с.
55. Раевский Д. С. О генезисе повествовательной мифологии как средства моделирования мира / Д.С. Раевский // Фольклор и историческая этнография / Редкол.: В.П. Алексеев, И.С. Гурвич, Р.С. Липец (отв. ред.), С.Я. Серов; АН СССР. Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. — М.: Наука, 1983. С. 63-69.
56. Рвачева О.Ю. Текст пословиц – особый способ передачи оценочной семантики в русском языке /О.Ю. Рвачева // Вестник ТГУ. Вып. 4 (84). 2010. С. 264-267.
57. Ренковская Е. А. Некоторые особенности синтаксической структуры русских пословиц (на примере монопредикативных предложений) / Е.А. Ренковская // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной международной конференции «Диалог». 2011. № 10 (17). С. 545-555.
58. Рец Н.И., Губанов А.Р. Категория причинности каузальная и каузативная связи / Н.И. Рец, А.Р. Губанов //Вестник Чувашского университета 2012 №1 С. 244-249.
59. Савенкова В.М. Русские паремии функционирующая система: автореф. дис. ...д-ра филол. наук. / В.М. Савенкова – Ростов-Дону, 2002 – 48 с.
60. Селиверстова Е.И. Пространство русской пословицы: постоянство и изменчивость. / Е.И. Селиверстова – СПб.: «Мирс», 2009 – 270 с.
61. Семененко Н.Н., Шипицына Г.М. Русская пословица: функции, семантика, системность. / Н.Н. Семененко, Г.М. Шипицына – Белгород: Изд-во БелГУ, 2005. – 172 с.
62. Семиколонова Е.И. Фазовость как одна из основных характеристик процесса / Е.И. Семиколонова // Культура народов Причерноморья. 2004. № 54. С. 68-73.

63. Силантьев И.В. Факт и мотив: об одном существенном отличии литературного нарратива от исторического/И.В. Силантьева Критика и семиотика 2013/1(18). С 138-144.
64. Сильницкий Г.Г. Структура глагольного значения и результатив //Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект) /Отв. ред. В.П.Недялков. – Л.: Наука, 1983. С. 54-65.
65. Сильницкая Г.В., Сильницкий Г.Г. Модель глагольного действия и семантическая классификация глаголов с предикатными актантами //Категории глагола и структура предложения. Конструкции с предикатными актантами /Отв. ред. В.С.Храковский. – Л.: Наука, 1983. - С.28-41
66. Соколов О.М. Семантика и парадигматика категории фазисности русского глагола // Проблемы лексической и категориальной семантики. Симферополь: СГУ, 1982. С.3-18.
67. Солодухо, Н.М., Сабирзянов А.М. Переоценка теории факторов: методология ситуационного подхода //учёные записки казанского государственного университета, Гуманитарные науки 2007 Том 149, кн. 5 С. 53-61.
68. Солодухо Н.М. Методология ситуационного подхода в научном познании. Манифест ситуационного движения // Фундаментальные исследования: Науч.-теорет. журн. РАЕН. – М., 2005. № 8. С. 85–88.
69. Тарасова И.П. Смысл предложения-высказывания и коммуникация: автореф. дис. докт. филол. наук. – М., 1992. – 44 с.
70. Тарланов З.К. Русские пословицы: синтаксис и поэтика. / З.К. Тарланов – Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. ун-та, 1999. – 448 с.
71. Тарланов. З.К. Синтаксис русских пословиц: автореф. дис. докт. филол. наук./ З.К. Тарланов – Ленинград. 1970. – 34 с.
72. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. / В.Н. Телия – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
73. Тиунова С.П. Средства выражения фазовости в современном английском языке. – Томск: Томский ун-т, 1990. – 168 с.

74. Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика: Учеб. Пособие / Вступ. Статья Н.Д. Тамарченко; Комм. С.Н. Бройтмана при участии Н.Д. Тамарченко. – М.: Аспект Пресс, 1999. – 334 с.
75. Фетисов О.В. Категориальная сущность каузальных отношений в русском и английском языках: дис.... канд. филол. наук. / О.В. Фетисов – Армавир, 2005. – 169 с.
76. Холонина Н.А. Сложноподчинённые предложения, выражающие причинно-следственные отношения: На материале русского и английского языков: дис. ... канд. филол. наук. / Н.А. Холонина – Воронеж. 2001. – 160 с.
77. Чернышева Е.Ю. Типология причин в художественном прозаическом тексте (на материале романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»): дис. ... канд. филол. наук. / Е.Ю. Чернышева – Воронеж, 1993. – 168 с.
78. Шапиро Э.Д. Выражение причинно-следственных отношений в сложноподчинённых предложениях разных типов / Э.Д. Шапиро// Вестник ЧГУ. №4. 2008. С. 274-278.
79. Шмид В. Нарратология / В. Шмид – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.
80. Якобсон Р.О. Два аспекта языка и два типа афатических нарушений/ Р.О. Якобсон // Теория метафоры. – М., 1990. С. 110-132.
81. Quirk R. et al. A comprehensive grammar of the English language. London: Longman, 1985. 1775 с.
82. Vendler Z. Linguistics in Philosophy. – Ithaca, NY: Cornell University Press, 1967. – 203 p.